

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС «МНОГОЯЗЫЧИЕ КУЛЬТУРЫ», ПОСВЯЩЕННЫЙ 90-ЛЕТИЮ Ю. М. ЛОТМАНА (ТАРТУ, 28 ФЕВРАЛЯ – 2 МАРТА 2012 Г.)

Международный конгресс, посвященный 90-летию Ю.М. Лотмана, открылся в день рождения ученого. Предварили работу конгресса открытие выставки «Лотмановская школа сегодня» в Библиотеке Тартуского университета, посещение кладбища Раади, где упокоилась чета Лотманов, и открытие мемориальной доски на доме по ул. Вески 63, где в 1970–1989 гг. жили Ю.М. Лотман и З.Г. Минц. Тему конгресса подсказала одна из любимых идей Лотмана, сформулированная в работах конца 1960-х – начала 1970-х гг. и развитая, в частности, в его последней прижизненной книге (*Культура и взрыв*, 1992), – идея взаимной необходимости разных языков и неспособности одним языком охватить и выразить внешний мир, утверждение фундаментальной необходимости *другого*, другой культуры, другой личности.

Конгресс открыли приветственные слова заведующего отделением семиотики Калеви Кулла и ректора Тартуского университета Алара Кариса, объявление стипендиатов Лотмановской стипендии, которым стали по части русской филологии Павел Успенский, по семиотике – Ремо Граминья. В преддверии конгресса прозвучали пленарные доклады Бориса Успенского “Europe as

Metaphor and Metonymy in Relation to the History of Russia” и Маргериты Де Микель (Болонья) “Every Understanding is Misunderstanding”. Среди не менее 130 участников конгресса из 22 стран Литву представляли Даля Саткаускайте (“Juri Lotman – a Sociologist of Culture?”), Лорета Мачянскайте (“After the Explosion: The Transformation of the Writer’s Image in Post-Soviet Lithuanian Society”), Виргиния Цибаряуске (“Dialogue with the Past: Cultural Memory in Contemporary Lithuanian Poetry”), автор этих строк («Виленские язычники, православные мученики и францисканские монахи»), Томас Венцлова («“Мужской” и “женский” дискурс: Каролина Павлова и Марина Цветаева»), аффилиация которого, впрочем, в программе конгресса была обозначена как «США, Йель», а также, в качестве благодарных слушательниц, директор мемориальных музеев Вильнюса Бируте Вагрене и руководитель дома-музея семьи Венцловы Лайма Жукаускайте.

Организаторами конгресса выступили два институциональных наследника Лотмана – отделение семиотики Института философии и семиотики и кафедра русской литературы Института германской, романской и славянской филоло-

гии философского факультета Тартуского университета. Конгресс проходил секционными заседаниями по семиотическому и филологическому направлениям, в иные дни – в пяти параллельных секциях, с неизбежными переходами из аудитории в аудиторию и непростым выбором между равно соблазнительными темами. Не удалось услышать доклады Богуслава Жилко (Гданьск) о проблеме «устность / письменность» в культурологической концепции Лотмана, Александра Осповата (Москва) о стилистической какофонии в *Повестях Белкина*, Мариэтты Чудаковой (Москва) о злоключениях русского языка в России XX в. Пришлось пропустить особую мандельштамовскую секцию, которую составили доклады Федора Успенского, Татьяны Цивьян, Евгении Табориской, Георгия Левинтона. Из разговора в перерыве с Любовью Киселевой (Тарту) я понял, что в ее докладе о языках театра и драматургии в имперском идеологическом строительстве 1830-х гг. речь шла об отличиях печатного текста пьесы *Рука Всевышнего Отечества спасла* от ее сценической редакции. Попутно обнаружилось обстоятельство, особенно интересное для тех, кто занимается исследованием деятельности русских литераторов в Литве XIX в., а именно – фантастичность написанных в Вильне мемуаров В.А. фон Роткирха, бесосновательно утверждавшего, будто бы император Николай I не только одобрил пьесу Н.В. Кукольника, но и лично ее правил. Жалеть об этих и других упущенных возможностях, впрочем, не приходится: организаторы конгресса обещали поместить аудиозаписи докладов на сайте кон-

гресса, а подготовленные на основе докладов статьи увидят свет в *Лотмановском сборнике. 4* (семиотические доклады выйдут в журнале *Sign Systems Studies*).

Взаимодействие разных в семиотическом смысле языков продемонстрировал в докладе «“Языки” легенды: перевод, интерпретация, сюжетные трансформации» Сергей Неклюдов (Москва), посвященном сюжету, известному главным образом по стихотворению волжского фольклориста и этнографа Д.Н. Садовникова, быстро ставшему народной песней «Из-за острова на стрежень» (и основой первого русского игрового фильма). Сюжет получил в России известность благодаря французским, немецким и английским переводам записок голландского путешественника Яна Стрейса. Между тем, реальной основой легендарного сюжета был эпизод с принесением жертвы Яику, отразившийся в записках другого голландца: рассказ Людвига Фабрициуса содержит ритуальную структуру принесения жертвы водному духу, подтверждается фольклорными и этнографическими параллелями и, в отличие от сюжета с персидской княжной, объясняет поведение Степана Разина. Сохранение древней дохристианской обрядности и оформления культовых артефактов, свидетельствующее об удивительной живучести поминальных обрядов, на материале полевых исследований в белорусском и украинском Полесье, в Латгалии и на Куршской косе показали Янина Курсите-Пакуле и Рута Йиргенсоне (Рига) в докладе «Сема камня, дерева, металла в балто-славянском сакральном пространстве».

Теоретическую рамку доклада Николая Вахтина (Санкт-Петербург) «Где границы “языка L”? Русско-эскимосская интерференция» образовали интерес к внутреннему языку билингвов в поздней генеративной грамматике и проблематика взаимопроникновения языков в работах П. Мэйскена, Ф. Гросжана и М. Хеллер, ставящая под сомнение саму возможность проведения границ между языками. Забавным материалом для доклада послужили переводы на язык азиатских эскимосов текстов о Ленине и Сталине: фонологически и морфологически эти тексты, несомненно, эскимосские, лексически (из-за большого количества заимствованных из русского языка слов) – двуязычные, а синтаксически – во многом русские. Иноязычные тексты сохраняли особенности русского образца; при этом говорить о нарушении норм языка затруднительно, поскольку норм письменных повествовательных текстов в культуре, не знавшей письменности, не существовало.

Сопровождающие переводы Библии сложности, обусловленные трудностями преодоления языковых границ, незнанием реалий, лексических, синтаксических, стилистических различий рассмотрела Елена Сморгунова (Москва). По сути сходной проблемы коснулась Анна Лилль (Тарту) в докладе о содержании фундаментальной категории аристотелевской этики *φίλις*. Лариса Петина (Таллинн) дала содержательные комментарии к 11-ти записям на русском языке в альбоме переводчика второго голштинского посольства в Москву и Персию Ганса Арпенбека. Сложившаяся форма записи в штамбухе,

служащей самопрезентации, новая для России XVII в., открывает любопытные подробности культурного самосознания и языковых кодов приказных дьяков и подьячих и, шире, соприкоснувшегося с западноевропейской цивилизацией слоя русской нации.

Со своего рода содокладами «Многоязычие военной панегирики петровской эпохи» и «Слово и образ в иконостазах Ивана Зарудного» выступили Мария Смержевских-Смирнова (Таллинн) и Елена Погосян (Альберта), говорившие, преимущественно, об иконостасе в таллиннском Преображенском соборе (1717–1719) с его сложной программой и многоязычием кодов. Оно раскрывается в соотношениях элементов эмблематического декора, изобразительного иконописного ряда, надписей на рамах и замысловатых комбинациях возможных прочтений структуры одного из двух сохранившихся иконостасов архитектора петровской эпохи, пользовавшегося особым покровительством Меншикова. Инна Булкина (Киев) рассмотрела изданные в 1810 и 1817 гг. путевые записки князя И.М. Долгорукого как «антипаломничество», выламывающееся из канона путешествия в Киев и его карамзинской версии.

Из тонких и остроумных наблюдений Геннадия Обатнина (Хельсинки) над переводческой практикой русских символистов вытекало, в частности, что переводы Вяч. Иванова представляют собой метрические кальки, в которых имена, реалии и т.п. приносятся в жертву точной передаче метра. Передача и стилизация античного метра почему-то особое впечатление производила на

дам; к функциям символистского поэтического перевода докладчик отнес, помимо знакомства литературы в кризисный период с новым метром, также соревнование с другим переводчиком (бывшим воздыхателем жены) и подношение молодой супруге.

Взаимодействие кодов и многоязычие источников одного произведения рассматривались в докладах, разнившихся подходом к материалу. Например, Лиана Петросян (Ереван) говорила о «поэтическом косноязычии» Андрея Белого и механизмах лингвистической связности в романе *Петербург*. Александр Лавров (Санкт-Петербург) в докладе «Владимир Набоков: в поисках утраченного времени» сквозь верхний слой подтекстов набоковского рассказа “A Forgotten Poet” увидел внутренний текст – потаенные смысловые перспективы и автобиографические знаки. Олег Лекманов (Москва) в докладе о многоязычии источников *Реквиема* Анны Ахматовой обосновал предположения того, что источниками стихов «Буду я, как стрелецкие женки, / Под кремлевскими башнями вить» и «И голубь тюремный пусть гулит вдали» могли быть картины В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни» и Н.А. Ярошенко «Всюду жизнь», а строки «Тихо льется тихий Дон, / Желтый месяц входит в дом» связаны с детской считалкой «Вышел месяц из тумана».

Микаэл Дюринг (Киль) говорил о феномене путешествия во времени, «эффекте Христа», амбивалентности нарративной ткани, травестии и профанации библейских мотивов в рассказе «Петля гистерезиса» И. Варшавского.

Сложную конструкцию удвоенного двойничества и структуру автокоммуникации в автобиографической книге Кристофера Ишервуда *Lost Years: A Memoir 1945–1951* разобрала Ирина Головачева (Санкт-Петербург) в докладе «Двойник эмигранта: “другой” как Я в автореференциальной прозе».

Вадим Парсамов (Москва) в докладе «1812 год и метаязыки культуры» показал, что Ж. де Местр, Ж. де Сталь, Г.Ф. Фабер в определениях характера войны, русского народа, Ростопчина, Кутузова и Александра исходили из привычных категорий *деспотизм, просвещение, антиязычество варварство – цивилизация*. В докладе Екатерины Ляминой (Москва) функционирование русско-французского двуязычия в первой четверти XIX в. рассмотрено на материале трех исторических реплик. Первоначально устные, но вскоре зафиксированные, сходные по контексту и структуре минитексты принадлежали великой княжне Екатерине Павловне («Я скорее выйду замуж за последнего русского истопника, чем за этого корсиканца»), императрице Елизавете Алексеевне («Я лучше поеду в Сибирь, чем в Париж») и императору Александру («Я отпущу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор моего отечества»).

Алина Бодрова (Санкт-Петербург) в докладе «Об одной “французской шалости” Баратынского: к истории стихотворения “Леда”» обстоятельно изложила историю публикаций, атрибуции и конъектур, восполняющих, по словам докладчицы, целомудренные или будоражащие воображение тире в тексте, по-

явившемся в впервые в альманахе *Мне-мозина* за подписью ***. Докладчица представила еще один источник текста Баратынского из «Остафьевского архива», не привлекавший внимания исследователей – без пропусков и с некоторыми другими отличиями от первопубликации. Соображения о параллельной работе Баратынского над поэмой *Эда* (в которой цензура вычеркнула несколько строк, чем позволила, говоря словами Дельвига, «читателю самому сообразить соблазнительную сцену всей поэмы») привели к выводу, объясняющему, почему поэт отбросил из стихотворения Парни не заслуживающие внимания, на его взгляд, начало и конец, но воспользовался самой сценой обольщения.

Доклад Романа Лейбова (Тарту) «Язык топонимов и язык рифм в русской поэзии» можно охарактеризовать как представление возможностей корпусной поэтики, своеобразной параллели корпусной лингвистики. Сама частота употребления астионима в русской поэзии XVIII–XX вв. по материалам Национального корпуса русского языка дает наглядную картину пространственно-культурной иерархии. Выдвижение астионима в рифменную позицию порождает устойчивую тематико-сюжетную связь с рифмуемыми лексемами; рифменные гнезда аккумулируют облако устойчивых ассоциаций имени. Каким образом происходит усвоение астионима русским рифменным пространством, к каким эффектам приводит образование клишированных рифмопар и их системы, продемонстрировано на примере *Москва*. Роман Тименчик (Иерусалим) в докладе «Еще раз о городс-

ком тексте» обрисовал основные черты «стиховой венецианы» – Венецианского текста, главным образом, на материале русской поэзии XX в., на фоне разнородных иноязычных текстах о Венеции.

Название доклада Марии Боровиковой (Тарту) «К проблеме взаимодействия поэтических миров: Цветаева и Фет» оказалось обманчивым, поскольку говорилось в нем о новалисовских мотивах и темах в цикле «Бессонница» в сборнике Цветаевой *Психея. Романтика* (1923), в связи не только с циклом А.А. Фета «Вечера и ночи», но и программными символистскими текстами Блока, Вяч. Иванова, книгой Н.А. Бердяева *Смысл творчества* и полемическими откликами на нее В.В. Розанова. Роман Войтехович (Тарту) попытался выявить принципы «блоковской» композиции в сборнике Цветаевой *Версты* (1921), точнее – в первой его части, которая и своими мотивами подспудно отсылает к Блоку, в отличие от второй части, «ахматовской» по поэтике.

В докладе «К реконструкции поэтического самосознания Некрасова» Павел Успенский (Тарту) убедительно показал, что поэт в своей литературной критике в целом разделял концепцию литературной иерархии Белинского с различением гениев и обыкновенных талантов, проецируя ее на собственное место в поэзии. Обыкновенному таланту предписывалась определенная программа, включавшая социальность и ориентацию на современность; расположение себя в другой страте, отличной от гениев, позволяло свободнее обратиться к традиции. Оба обстоятельства и формировали поэтику Некрасова.

Леа Пильд (Тарту) в докладе «Ме-тафорика и образность в стихотворных посланиях Фета как пример стилистического многоязычия» анализировала послания Толстому и отразившиеся в них расхождения во взглядах на творчество. Наталья Осипова (Киров) рассмотрела изменение понятия «народ» в творчестве и мировоззрении Льва Толстого. Мария Плеханова (Перуджа), отталкиваясь от записи С.А. Толстой о связи творческого импульса с женским шитьем, напомнила сцены с вязанием, *broderie anglaise* и т.п. в *Анне Карениной*; череда эпизодов с женским рукоделием в стихах и в *Докторе Живаго* Б.Л. Пастернака, как показала докладчица, так или иначе восходит к роману Л.Н. Толстого.

Константин Поливанов (Москва) в докладе «*Доктор Живаго*: художественный язык романа и язык интерпретации» сосредоточился на той линии интерпретаций романа Пастернака, которая была заложена во внутренней рецензии журнала *Новый мир* и письме К.М. Симонова в ЦК КПСС. Одним из доказательств «двурушничества» и «зоологического отщепенства» было то, что писатель не сумел разделить Февральскую и Октябрьскую революции. Официальные рецензенты предпочли не заметить оценки Юрием Живаго гениальности «чуда истории», свершившегося «в самый разгар курсирующих по городу трамваев». Докладчик особо остановился на последнем обстоятельстве, отразившемся и в поэме Маяковского *Хорошо!* («гонку / свою / продолжали трамы / уже – / при социализме»). Это разительно отличало Октябрь от Фев-

ральской революции: по газетам можно проследить рост количества сообщений о различных трамвайных происшествиях и о тщетных усилиях властей упорядочить движение, пока 24 февраля движение трамваев не было приостановлено; возобновилось оно уже при новой власти. Газетные материалы (публикации официальной гельсингфорской *Финляндской газеты*, столичных и финских изданий) использовал также Тимур Гузаиров (Тарту) в докладе «Конструирование конфликта между метрополией и окраиной Российской империи (образ финна)». Изменение сценария власти в отношении Финляндии и финнов, обусловленное меняющейся политической ситуацией, сопровождалось переменами в образе финна. В частности, механизм ограничения автономных прав Великого княжества Финляндского реализовался кампанией в прессе – валом статей и сообщений об оскорблении императорского достоинства и государственных символов, о враждебном отношении финнов к русским и православию в 1907–1910 гг.

Александр Белоусов (Санкт-Петербург) в докладе «“Есть чудесное слово – уезд”»: Административно-территориальный термин и его культурный смысл» проследил формирование образа уездного города и темы уездности, начиная с пьес А.Я. Княжнина *Уездный городок* и Г.Ф. Квитки-Основьяненко *Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе*, одновременно появившихся повестей *Миргород* Н.В. Гоголя, *История о петухе, кошке и лягушке. Рассказ провинциала* В.Ф. Одоевского, *Неистовый* Роланд А.Ф. Вельтмана, в которых сама

уездность по существу еще покрывается понятием провинциальности. Впоследствии тема развивалась в гоголевском *Ревизоре*, поэме И.С. Тургенева *Андрей*. В пьесах А.Н. Островского она из комедийной превратилась в драматическую тему, и различными сторонами воплотилась в произведениях Н.С. Лескова, Максима Горького, Е.И. Замятина.

Отвечая на вынесенный в название доклада вопрос «Сколько языков в эстонской культуре?», Рейн Вейдеманн (Таллинн) привел несколько ярких примеров полиглотизма эстонской культуры, начиная с *Хроники Ливонии* Генриха Латвийского: изданная в переводе со средневековой латыни на немецкий язык, хроника дала материал первой «Патриотической речи в защиту Отечества» (1868) К.Р. Якобсона, которая положила начало романтическому дискурсу эстонского идентитета. В тексте эстонской культуры (и эстонского языка как текста) свое место заняли тексты на шведском, финском, русском языках, французский язык как модель, а в последнее время – английский. Сирье Олеск (Тарту) в докладе «Язык эстонской поэзии, читатели и контекст», основанном на переписке Яна Каплинского и Хеллара Грабби (проживающего в США) 1965–1990-х гг., сосредоточилась на роли эмигрантов и эмигрантских изданий в международной рецепции эстонской литературы.

Людмила Спроге (Рига) вынесла в название доклада интригующую строку “Koņevskis viņas dzelmē gāja...” («В ее пучине скрылся Коневской...»), как оказалось, из поэмы *Necilvēks* (1920) Антона Аустриньша. Неизвестный русскому

читателю латышский поэт и переводчик был знаком с Брюсовым, Сологубом, Мережковским, Ремизовым, переводил романы Мережковского, *Огненного ангела* Брюсова. Его оригинальная поэзия содержит явные и скрытые цитаты и реминисценции из творчества русских символистов. В полигенетическом по своей природе тексте поэмы Аустриньша, помимо сологубовских аллюзий и брюсовских реминисценций, обнаруживается проекция пути героя на краткую жизнь Ивана Коневского (в 24 года утонувшего, как известно, в водах Гауи).

Научную программу конгресса дополнили прием в честь 90-летия Ю.М. Лотмана, организованный Тартуским городским собранием и Тартуской городской управой (в приветственной речи мэр Тарту радовался тому, что Тартуский университет находится именно в Тарту, что для города – большая удача), и прием, который дал ректор Тартуского вуза в Музее истории университета (особым акцентом приема стали поздравления Б.А. Успенского и Я. Курсите-Пакуле, тесно связанных с научной школой юбиляров этих мартовских дней). Блестящим завершением конгресса стал вечер «Вспоминая Лотманов...». В выступлениях Любови Киселевой, Ларисы Найдич, Юрия Фрейдина, Томаса Венцловы, Юрия Цивьяна, Романа Тименчика, Мариэтты Чудаковой, Александра Осповата, Леонида Столовича воскресли сцены из жизни двух прекрасных ученых и давней – уже давней – эпохи. Записи этих замечательных рассказов доступны на сайте телевидения Тартуского университета (<http://www.uttv.ee/naita?id=9322>).

Павел Лавринец